

#New**Romance**

МОНИКА
МЕРФИ
НЕ РАЗЛУЧАЙТЕ
НАС

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7 Cое)-44
М52

Monica Murphy
NEVER TEAR US APART

Печатается с разрешения литературных агентств
Bookcase Literary Agency,
Rebecca Friedman Literary Agency и Andrew Nurnberg.

Мерфи Моника.

М52 Не разлучайте нас. [роман] / Моника Мерфи;
пер. с англ. А. Ландиховой. – Москва: Издатель-
ство АСТ, 2019. – 416 с. – (#NewRomance).

ISBN 978-5-17-104772-6

ИТАН

Просто безумие! Одного взгляда на Кэти Уэттс оказалось достаточно, чтобы перенести меня на восемь лет назад, и вот... мне снова пятнадцать и я опять рискую всем ради нее. Возможно, это будет стоить мне жизни. Теперь она выросла и решила поведать миру свою историю. Нашу историю... Она зовет меня ангелом-хранителем. Конечно, я поставил на карту все, но она, черт возьми, того стоила. Мне нужно найти ее... просто, чтобы убедиться, что она в порядке. Но что я буду делать, если мы сблизимся, и Кэти узнает, кто я на самом деле?..

КЭТРИН

Восемь лет назад это происшествие разделило мою жизнь на ДО и ПОСЛЕ, буквально уничтожив меня. С тех пор в сердце осталась зияющая дыра, и эту пустоту ничем не заполнить. Я боюсь своих воспоминаний, и каждый день веду неравную борьбу со своим прошлым, которое, увы, не изменишь. Я искалечена, разбита, отгородилась от окружающего мира и не желаю впускать кого-либо в свою жизнь. Тем необычнее, что я вовсе не против этого парня, который так неожиданно ворвался в мою жизнь. Но что будет, если он узнает о моем прошлом?..

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7 Cое)-44

ISBN 978-5-17-104772-6

Copyright © 2016 NEVER TEAR US APART by
Monica Murphy. Все права защищены.

© А. Ландихова, перевод на русский язык, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

*Перьями Своими осенит тебя,
и под крыльями Его будешь безопасен;
щит и ограждение — истина Его.*

Пс 90:4

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

В этой книге речь пойдет о довольно сложном предмете. Долгое время он представлял для меня живой интерес. Еще в юности я прочитала много основанных на реальных событиях криминальных романов. (Энн Рул в этом смысле — непревзойденная писательница, и ее будет очень не хватать.) Часами я смотрела документальный сериал о работе криминалистов *Forensic Files* и в какой-то момент даже решила, что канал *Investigation Discovery* придумали специально для меня.

Убийцы, особенно серийные, завораживали меня. Зачем они это делают? Неужели это болезнь, которая заставляет их с такой надменностью и беспечностью снова и снова совершать ужасные преступления? Как, вообще, можно стать настолько безумным, ненадежным, чтобы убивать из чистого интереса? Или похищать детей для удовлетворения какой-то своей ненормальной потребности?

Я этого не понимаю. И вряд ли хочу понять. Но меня это завораживает. Так что, когда я сказала издателю, что у меня появилась идея «необычного» любовного романа, и стала объяснять, в чем она заключалась, вместо того, чтобы ответить мне: «Ты больная извращенка. Конечно же, нет», она ответила: «Мне

нравится». И хотя, может быть, это означает, что мы обе большие извращенки, я все-таки надеюсь, что это не так.

Мне хотелось рассказать об отношениях двух людей, связанных чем-то особенным, уникальным, непонятным никому, кроме них самих. Для этого я сделала так, что оба эти человека пострадали от рук одного и того же чудовища.

Моя книга рассказывает об изнасиловании ребенка, я хочу, чтобы это было ясно с самого начала. Если подобные вещи выводят вас из душевного равновесия, пожалуйста, не читайте. Я никак не пыталась приукрасить эту тему и очень старалась подать ее как можно более чутко и деликатно. Благодаря историям, рассказанным Элизабет Сمارт, Джейси Дугард, Мишель Найт, я изнутри посмотрела на то, каково это выжить после похищения. Они невероятно смелые девушки. И то, что они на весь мир поделились своими историями, делает их героями в моих глазах.

Также хочется упомянуть Национальный центр помощи пропавшим и пострадавшим детям. Каждый день там трудятся люди, которые помогают искать пропавших детей, заботятся о безопасности наших детей, ограждают их от зла.

Надеюсь, вам понравится история Итана и Кэтрин. Если вы посочувствуете их страданиям, то поймете, что, хотя их любовь и не совсем обычная, она — искренняя и настоящая. Любовь дает им надежду, когда все кажется безнадежным. Пока я писала роман, они постоянно разбивали мне сердце. Поодиночке они чувствуют себя глубоко надломленными. Но все обретает смысл, когда они вместе.

И, на мой взгляд, это самый лучший любовный сюжет.

Моника.

КЭТРИЦ

Сейчас

От жарких ослепительных ламп я ощущаю, как маленькие капельки пота выступают на лбу вдоль линии волос. Но трогать лицо нельзя. Это испортит макияж, который мне тщательно накладывали последние полчаса, поэтому я оставляю голову в покое и крепко сжимаю руки. Ледяные пальцы лежат в горячих ладонях. Вполне понятный контраст, если учесть, что я сейчас чувствую.

Тревогу. Волнение. Ужас. Бессмысленность. То, что я делаю, кажется бессмысленным, особенно моей семье.

Я собираюсь выступить перед камерой. Собираюсь все рассказать.

Наконец-то.

Ведущую этого шоу я вижу по телевизору, сколько себя помню. Известный репортер. Кто же ее не знает. Выглядит очень ухоженной, как диктор из новостей: блондинка с идеальной укладкой и ярко накрашенными голубыми глазами. Нежные тени подчеркивают худые скулы, а на губах — сочная помада. Она профи и точно знает, что ей нужно. Это видно по тому, как она распоряжается, как быстро бросаются

исполнять ее поручения сотрудники телестудии. Она сильна. Уверенна в себе. Безупречна.

И это возвращает меня к мысли, что я совсем не безупречна. Все мои недостатки, как в насмешку, выпирают упреком в несовершенстве. Был момент в моей жизни, когда я приблизилась к идеалу, потому что была глупой и считала себя неуязвимой. Но достичь идеала не просто. И если упустишь его из виду, никогда больше не вернешь.

Никогда.

— Вы готовы, Кэтрин? — спрашивает телеведущая спокойным голосом. Подняв глаза, я встречаю ее сочувствующий взгляд.

Уязвленное самолюбие разом отрезвляет меня, и я выпрямляюсь, пытаюсь совладать с выражением лица. Ее жалость мне не нужна. Я так долго носила в себе чувство пустоты, так долго не могла найти в себе ни капли отваги, чтобы решиться на... все это, что теперь, когда наконец стала достаточно сильной, должна держаться.

Мне пришлось ждать восемь лет, пришлось пережить смерть отца, и вот я здесь.

— Я готова, — уверенно киваю в ответ.

Краем уха слышу, как мама что-то бормочет Бренне. Я стараюсь не смотреть на них, потому что слишком боюсь, что моя сила испарится. Они тоже пришли, потому что я попросила их поддержать меня. Но что-то подсказывает, что зря. Не хотелось бы услышать мамины рыдания, когда буду пытаться говорить. Не хотелось бы видеть слезы и ужас в их глазах, когда буду ворошить все эти страшные и печальные детали моей истории.

Довольно уже пролито слез над трагедией, изменившей мою жизнь. Я должна ликовать, что жива, а не прятаться в тени. Я так долго не имела права говорить, что сейчас чувствовала... освобождение.

Да, несмотря на кошмар, о котором вот-вот узнают все, мне легко. Я свободна. С первого дня моего возвращения папа запретил нам рассказывать. В частности мне. Он был слишком растерян, слишком стыдился того, что не сумел защитить свою дочь.

Однажды он произнес эти слова, когда сильно поспорился с мамой, вскоре после того, как *это* случилось. Они думали, что я спокойно сплю в своей постели, но я проснулась от их ругани, да и не могла я тогда крепко спать. Мне все еще тяжело. Но тот случай так и стоит у меня перед глазами. Он засел в моей памяти навсегда. Отчаяние в папином голосе — вот, что подняло меня с кровати. Это и еще мое имя, которое они повторяли снова и снова, по мере того как нарастал накал скандала.

Я выскользнула из кровати и с колотящимся сердцем прокралась по коридору. В прихожей я прижалась к стене и стала слушать, не в силах двинуться с места, осознав, что они не просто говорят обо мне. Я была причиной их ссоры.

— Ты не можешь держать ее взаперти, — говорила мама. — Из нас двоих гиперопекой ее мучила я, но мне кажется... Нет, я уверена, что ты слишком далеко зашел.

— Лиз, я не сумел ее защитить! Я не сумел защитить нашу маленькую девочку, и теперь уже ничего не исправешь.

Но он мог бы исправить, если бы просто принял меня. Обнял, как обнимал мою старшую сестру Бренну, с обожанием и без чувства вины. Если бы стыд и унижение не наполняли его взгляд, когда он смотрел на меня, как будто я стала позорной и горькой ошибкой, когда вернулась домой. Из папиной дочки я превратилась в неприкасаемую, и все из-за тех дней.

Меня это больно ранило. И сейчас ранит. Прошло уже шесть месяцев, как отца не стало.

— В любой момент запись можно остановить, если вам понадобится прийти в себя. — Ведущая подбадривает меня вкрадчивым тоном профессионала, а я улыбаюсь, киваю и думаю, что это как раз будет лишним.

Мне нужно выговориться, и я не хочу останавливаться, не хочу приходить сюда еще раз. Мне нужно вывалить все, что у меня на душе.

Больше всего на свете я жажду, чтобы запись не останавливалась.

Вышло много репортажей о том, что со мной случилось. Документальные фильмы о моем деле появлялись один за другим. Сняли два телефильма и целую кучу детективных реалити-шоу. Восемь лет назад, когда меня только нашли, мое лицо появилось на обложке журнала *People*. Я была в серой футболке с длинными рукавами и в серых штанах, размера на два больше, которые мне дала женщина-полицейский. Когда меня вывели из участка, я посмотрела в камеру, и в моих широко открытых глазах были слезы. Меня отвезли на обследование в больницу.

От жуткого воспоминания по спине пробегает дрожь.

Журнал я сохранила и спрятала в коробку. Это была, так сказать, моя минута славы. Не знаю, зачем я это сделала. Приятных воспоминаний там точно нет.

И все же это я и моя жизнь, которую не изменить, даже несмотря на то, как этого хотят те, кто меня любит.

Теперь в редакции *People* снова изъявили желание встретиться со мной, особенно когда узнали об интервью. Опять хотят поместить меня на обложку, но я пока не дала согласия. И вряд ли дам. Издателям

надо, чтобы я написала книгу о том, что пережила, но и это я тоже, скорее всего, не буду делать, а расскажу все один раз, с начала и до конца. Обычно интервью длится один час, но меня заверили, что, если будет нужно, дадут мне целых два часа эфирного времени.

Рейтинг упадет, но это не мое дело. Думаю, мне понадобится два часа. Я хочу о многом рассказать. Это мое время. Мой момент истины. А потом я больше ни с кем не буду говорить об Аароне Уильяме Монро.

ЦТИ

Тогда

Когда мы вышли из отеля, сквозь дымку туманных разводов наконец показалось солнце. Его яркие лучи ластились к рукам, припекали волосы и лицо по дороге к океану, и я пожалела, что надела красную толстовку с принтом «Спасатель», которую мама купила вчера в сувенирной лавке. Я так выпрашивала ее, с мольбой заглядывая маме в глаза и заламывая руки. Она нехотя согласилась, хоть и ворчала насчет цены.

При всей моей любви к этой сногшибательной красной толстовке, она сидела довольно мешковато, а если бы я затянула ее поясом, выглядело бы глупо.

Но я не могла не надеть ее.

Небо было потрясающе синим, как бывает только на картинах. Дул прохладный ветерок, принося с собой свежесть тихоокеанских волн. От тумана и близости воды воздух наполнился влагой и приятно остужал лицо под палящим солнцем. Меня охватила чистая беззаботная радость, какой я раньше никогда не испытывала.

Это ощущение невинного счастья навсегда покинуло меня в тот день.

Когда мы дошли до набережной, толпа там была просто невообразимой, хотя аттракционы только-только включили. Я сразу оживилась и готова была на все, лишь бы папа и мама отпустили нас погулять одних.

— Бренна все время уходит сама с друзьями! — Я ныла, прося отпустить меня, ведь я большая и справлюсь, но все это звучало очень по-детски.

— Потому, что мне пятнадцать и я не хнычу, как ребенок! — снисходительно сказала Бренна, оглянувшись на свою подругу Эмили, и обе прыснули со смеху. Иногда я ненавидела Бренну. Эмили я тоже не очень любила. Они все время поучали меня, заставляя чувствовать себя душой.

Моя лучшая подруга, Сара, тоже бросила на них свирепый взгляд. Не хватало еще, чтобы Бренна своими замечаниями расстроила все, чего мы так ждем: самим гулять по парку аттракционов, а не таскаться вслед за мамой и папой весь день. В следующем месяце нам с Сарой исполнялось тринадцать, с разницей в шесть дней. Мы обе мечтали попробовать на вкус свободу.

— У Сары есть с собой телефон, — продолжала я, умоляюще заглядывая папе в глаза. Он колебался, в его взгляде мелькало сомнение, и я поспешила ухватиться за это. — Каждый час мы будем созваниваться, клянусь!

— Не знаю...

Рискнув взглянуть на маму, я заметила, что ей эта идея совсем не нравится. Но не мне ее нужно было убеждать, а папу.

— Ну пожалуйста! Если хотите, будем встречаться каждые два часа? Вместе пойдем обедать. Сейчас только десять часов утра. Встретимся в двенадцать вон там. — Я указала на столики ближайшего кафе. — Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!